

Маленькій, взъерошенный человечекъ, похожий на сказочнаго гнома, вошелъ въ комнату и, бросивъ шапку, потянулся ко мнѣ черезъ столъ для рукопожатія.

— Я Штукенбергъ, — отрекомендовался онъ, — слышали? Да впрочемъ, что тутъ разговаривать...

И онъ полѣзъ въ боковой карманъ и вынулъ визитную карточку. На ней было:

Григорій Григорьевичъ
ШТУКЕНБЕРГЪ.

Чиновникъ особыхъ порученій при
тридесятимъ департаментъ.

Русскій ницшеовецъ.

— Теперь по крайней мѣрѣ рекомендовать не надо, — прибавилъ русскій ницшеовецъ, — къ дѣлу... Вы критикъ, я авторъ. Вотъ моя пьеса...

И съ тою же рѣшительностью онъ потянулся въ задній карманъ сюртука и досталъ оттуда объемистую рукопись.

— Вотъ-съ пьеса. Это первая часть задуманной мною драматической «дюжины». Называется она: «Январь». Не правда ли эффектно? Потому пойдутъ: «Февраль», «Мартъ», «Апрѣль» — словомъ, всѣ двѣнадцать мѣсяцевъ. Что скажете?

— Но, позвольте, — заикнулся было я.

— Никакихъ «но»... Потрудитесь прочесть ее и завтра же я приду за отвѣтомъ. Пьеса идетъ на той недѣлѣ въ «Театръ накладныхъ сборовъ» и мнѣ необходимо заранее отобрать мнѣніе критиковъ, дабы впоследствии проверить ихъ искренность.

— То-есть какъ это?

— Да такъ, что на словахъ всѣ обыкновенно хвалятъ, а въ газетахъ ругаютъ. Ну да я ужъ теперь обстрѣленный воробей, меня не проведешь. Теперь я знаю, какъ надо дѣйствовать...

— Вы меня простите, — засмѣялся я, — ради Бога объясните...

— Пожалуйста не смѣйтесь, — оборвалъ меня внезапно коротенькій Григорій Григорьевичъ, — смѣшиного тутъ очень мало. Вамъ угодно знать, что я намѣренъ дѣлать? Извольте-съ. Я буду «хотать надъ вами съ совами»... Это изъ Ницше... Вы заѣтили на карточкѣ: «русскій ницшеовецъ»... Ну-съ, а теперь прощайте.

И драматическій гномъ сунулъ мнѣ руку, нахлобучилъ шапку и выбѣжалъ изъ комнаты прежде чѣмъ я успѣлъ ономниться...

— Чудакъ! — подумалъ я вслѣдъ ему.

Я остался одинъ. Передомвой лежала объемистая рукопись, на которой красными чернилами было затѣйливо выведено елочкой: «Январь». Было жутко приступать къ чтенію и вмѣстѣ съ тѣмъ все мерещилась совершенно невѣроятная и тоже жуткая картина, какъ лохматый коротенькій человечекъ издѣвается вмѣстѣ съ совами.

Я раскрылъ первую страницу и опять увидалъ «Январь», но ужъ обыкновенными чернилами и безъ елочекъ. Далѣе слѣдовало: «спираль въ четырехъ пятнахъ». Пестрѣли эпиграфы изъ модныхъ авторовъ, изомежныхъ и отечественныхъ.

«Miser, ich bin dumm!» Ницше.

«Послѣ вчера бываетъ сегодня» Трахтенбергъ.

«Рвань полосатая!» Горькій.

«Хулиганъ есть хулиганъ!» Протопоповъ.

«Послѣ выспихъ женскихъ курсовъ надо выйти замужъ!» Потапенко.

Первое дѣйствіе или «пято» изображало великосвѣтскій салонъ и на первомъ планѣ стояла усовершенствованная «фонола» (въ первый разъ на сценѣ!). Въ глубинѣ сцены видѣлся китайскій билиардъ (тоже въ первый разъ на сценѣ!). Дѣйствующія лица, молодой князь и великосвѣтская барышня, играли попеременно то на фонолѣ, то на китайскомъ билиардѣ и флиртовали такимъ образомъ (привожу съ авторскими ремарками):

Онъ (задумчиво, какъ бы удаляясь въ глубину «аполлоновскаго» начала): «Фоносъ» по-гречески значитъ звукъ. «Фонола» значитъ «звучащая». Но не все, что звучитъ, есть «фонола»...

Она (насмѣшливо, отдавшись «діонисіевскому» началу): Напримѣръ глупость не есть «фонола», хотя и можетъ звучать?

Онъ (вдохновенно, проходя на билиардѣ сразу всѣ ворота). Теперь глупости нѣтъ, есть только полу-глупость; ничто не звучитъ, а полу-звучитъ; нѣтъ драмы, а только полу-драма; никто не пишетъ, но лишь полу-пишетъ.

Она (перескакивая черезъ билиардъ). И такъ выходитъ, что «полу-глупость полу-звучитъ въ полу-написанной полу-драмѣ».

Онъ (неожиданно показывая публикѣ кукишъ). Да-да-да. И это теперь не кукишъ, а полу-кукишъ... Ахъ, это я кажется изъ Трахтенберга? (Вдохновенно). Но теперь вѣтъ Трахтенберга, а только полу-Трахтенберга!..

Второе «пято» происходило въ ночлежкѣ. Молодой князь сдѣлался босякомъ, ничѣмъ не похожимъ на барона изъ «На днѣ». Великосвѣтская барышня являлась проституткой, какъ двѣ капли воды... не похожая на Варю изъ «Надшихъ». Остальные дѣйствующія лица были: Странникъ Тома, Васыка Тенель, Катинъ и др. Всѣ они говорятъ въ такомъ родѣ:

К а т и н ѣ. Человѣкъ — это громадно! Это звучитъ прекрасно. Чокнемся за человѣка, князь.

К н я з ѣ. Когда я былъ богатъ, то ѣздилъ въ коляскахъ и пилъ утромъ чай со сливками и съ булкой...

И такъ далѣе.

Третье «пято» разыгрывалось въ ресторани Фелисена въ дека рѣ мѣсяцъ, на открытомъ воздухѣ, подобно тому, какъ въ «Высшей школѣ» г. Потапенка обѣдаютъ въ саду Эреста весной. Декоратору предоставлялось украсить петербургскую зиму дѣйствительными олеандрими и фиалками. На обѣдѣ подавалась съжтая клубника, которую запивали боярекимъ квасомъ. Одна барышня сидѣла на колышкахъ психо-графолога г. Юберморгенстера, другая барышня отчитывала своихъ родителей, какъ Ольга въ той же «Высшей школѣ».

— Не пейте шампанскаго, мои дорогіе родители, потому, что это не шампанское. На сценѣ не даютъ настоящаго шампанскаго, но лишь лаянскую воду, или, что еще хуже, дурднискій медъ. Вотъ какъ будемъ обѣдать въ настоящемъ ресторанѣ, тогда выпьемъ шампанскаго, потому что оно будетъ настоящимъ... А теперь... теперь только дѣлайте видъ, что пьете...

Четвертое «пято», въ которомъ всѣ дѣйствующія лица входили разомъ и усаживались на сценѣ рядышкомъ, совершенно неожиданно обрывалась на фразѣ молодого князя, который, ставъ по убѣжденію босякомъ, также по убѣжденію пересталъ быть имъ. Дѣйствіе кончалось въ самомъ началѣ, послѣ того какъ всѣ садлись. Князь, вставъ на столъ, вдругъ выкрикивалъ непонятную чепуху:

— Вчера «На днѣ», сегодня «Надшіе», завтра «Высшая школа»... «Высшая школа» завтра, «Надшіе» сегодня, «На днѣ» вчера... Полу-Трахтенбергъ и полу-Ницше, полу-Горькій, полу-Протопоповъ, полу-Потапенко и полу-устрица. Послѣ завтра будетъ «Послѣ-завтра»... Такъ говоритъ Заратустра...

Этимъ кончалась пьеса.

Окончивъ читать ее, я задумался, какой отвѣтъ дать господину Штукенбергу. Онъ обѣщалъ прибыть на другой день. Я теръ себѣ лобъ и виски, стараясь выжать какое-нибудь уклончивое мнѣніе, и ничего не могъ придумать. Ночью мнѣ снилось, что я лежу задушенный рукописью «Послѣ-завтра», а господинъ Штукенбергъ во всю свою коротенькую величину стоитъ надо мной и взявшись за бока «хочетъ вмѣстѣ съ совами». Кошмаръ душилъ меня...

На утро, едва я высунулъ носъ изъ-подъ одеяла, какъ увидѣлъ передъ собою на яву сего драматическаго карла.

— Ну-съ, — съ нескрываемымъ самовосхищеніемъ и потирая ручки началъ онъ, — изволили прочесть?.. Потрудитесь сказать ваше мнѣніе...

— Мое мнѣніе... мое мнѣніе... — залепеталъ я и вдругъ неожиданно для самого себя выпалилъ: — превосходно, удивительно!..

Господинъ Штукенбергъ въ одинъ мигъ схватилъ мои руки.

— Не правда ли? Не правда ли? Я такъ и зналъ, что вы скажете это... И такъ, amico, прощайте, я не задержу васъ больше не минуты, мнѣ необходимо летѣть къ другимъ журналистамъ. Но смотрите, я жду такого же восторга отъ васъ и въ газетѣ. Смотрите, говорю вамъ, иначе я буду «хотать надъ вами съ совами!» Прощайте!

И, сунувъ мнѣ руку для пожатія, господинъ Штукенбергъ выкатился изъ комнаты съ рукописью «Послѣзавтра».

Я буду кратокъ. «Послѣзавтра», какъ пишутъ въ газетахъ, съ «рѣшительнымъ» уснѣхомъ шло въ «Театръ накладныхъ сборовъ», причѣмъ главную женскую роль играла высокоталантливая Зоя Писевна Невропатологическая, со всѣмъ ея «нервнымъ подъемомъ» воли и «творческимъ проникновеніемъ» въ суфлерскую будку. Публика хохотала и рыдала сообразно съ положеніемъ пьесы, а въ 3-мъ дѣйствіи глотала слюнки, глядя, какъ актеры за обѣ цѣпки уписывали съжтую клубнику и запивали ее боярекимъ квасомъ...

Не помню, какъ доѣхалъ я до дому и началъ писать рецензію; не знаю, когда кончилъ писать и отдалъ въ печать, только въ день появленія статьи я получилъ лаконическую записку:

«Я хохочу вмѣстѣ съ совами...»

Штукенбергъ.

Юр. Вѣльевъ.